

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Хайрулина Тимура Павловича на тему:
«Литературная стратегия В. Кривулина 1970-х – нач. 1980-х гг.», представленную на
соискание ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности
5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

В центре внимания диссертационного исследования Тимура Павловича Хайрулина – литературная стратегия Виктора Кривулина, понимаемая как «система принципов организации текста, в которой реализуется позиция автора, его мировоззренческие и эстетические установки» (с. 22). Хайрулин обращается к поэтическим сборникам и литературно-критическим опытам Кривулина с целью прояснить малоизученные «авторские стратегии формирования “культурологического проекта”» поэта, «его идеологические, а также эстетические особенности» (с. 5) и предлагает в своем исследовании язык описания неофициальной литературы позднесоветского периода.

В первой главе Т.П. Хайрулин обосновывает подход к творчеству ленинградского поэта, в котором на первый план выходят мировоззренческие аспекты «культурологического проекта», генеалогия идей, образов и мотивов поэтических и литературно-критических высказываний Кривулина, в то время как социальные аспекты творчества неофициального автора оказываются гораздо менее актуальными. Исследуя концепцию истории в поэзии Кривулина, Хайрулин отмечает, что для поэта литература «была неразрывно связана с рефлексией над историческим временем» (с. 25). Подробный и разносторонний анализ стихотворения Кривулина «Вопрос к Тютчеву» из сборника «Воскресные облака» приводит соискателя к выводу, что понимание поэтом исторического бытия в христианском ключе неизбежно влечет за собой актуализацию темы памяти, позволяющей «сохранить связь с утраченными голосами других людей» (с. 38). А декодирование интертекстуальных связей, в частности актуализация восходящей к Блоку музыкальной темы и ее критическая оценка, позволяет диссертанту раскрыть особенности мотива музыки в творчестве Кривулина, который, по мнению Хайрулина, «позаимствовал из интеллектуального поля Серебряного века идею звучащего мира и использовал ее для создания образов позднесоветской современности, “эпохи молчания и длиннот”» (с. 58). Диссертант также обращает внимание на ускользнувший от внимания других исследователей эсхатологизм неофициальной литературы 1960–1970-х гг., который у Кривулина выразился в особом переживании времени и истории. Как отмечает Тимур Павлович, «позднесоветский Ленинград, увиденный сквозь апокалиптическую оптику, предстал в стихах Кривулина местом, куда “нагрянула зима истории”» (с. 94).

Чрезвычайно интересны, на мой взгляд, вторая и третья главы диссертации. Во второй главе рассматривается реализация «культурологического проекта» в литературной критике Кривулина 1970-х – начала 1980-х гг. Пути неофициального движения «второй культуры», как считает Тимур Павлович, пересекались с «религиозным возрождением»; одним из примеров подобного пересечения стал ленинградский религиозно-философский семинар, деятельность которого привела к созданию журнала «37». Подробно анализируя редакционную политику и идеологические установки журнала, Хайрулин доказывает переосмысление его авторами отношений между религией и искусством, наличие в их творчестве установки на сакрализацию искусства. Диссертант раскрывает специфику интертекстуальной концепции Кривулина, в которой особую роль играет цитирование как опыт межличностной коммуникации, и приходит к значимому выводу о том, что в основе образа литературного поколения, создаваемого в статьях Кривулина, лежит концепт «спиритуальности». Третья глава диссертации посвящена литературной критике Кривулина как опыту интерпретации позднесоветской культуры. Диссертант здесь высказывает интересное предположение о сознательной установке представителей неофициального сообщества на невовлеченность в политическую действительность, а также отмечает, что Кривулин, который видел принципиальное отличие официального и неофициального искусства в «спиритуальном характере» последнего, тем не менее одним из первых отказался от жесткого противопоставления «официальное – неофициальное».

Весьма многое в работе является принципиально значимыми достижениями диссертанта. Так, Хайрулину удалось раскрыть содержание литературной стратегии Кривулина в 1970-х – начале 1980-х гг., обозначить особое восприятие поэтом истории, привлечь внимание к проблеме самоидентификации неофициального автора. Следует отметить новизну и оригинальность предложенного подхода к творчеству Кривулина, четкость и логичность изложения.

Наряду с несомненными достоинствами в диссертации есть несколько дискуссионных моментов. Еще в начале работы, формулируя подход к исследованию творчества Кривулина, Хайрулин дистанцируется от социологического подхода, имеющего место у М. Берга, в т.ч. от интерпретации творчества Кривулина предпринятой Бергом в «Литературократии». Представляется, однако, что имело смысл присмотреться к используемому Бергом в других работах понятию «внутренней эмиграции» – андеграундной стратегии неофициальной культуры, а также его объяснению причин обращения Кривулина к поэзии Серебряного века. Берг интерпретирует эту стратегию как поиск нового социального пространства, в котором оценка деятельности писателя или поэта, не находившего места в пространстве советской официальной литературы, была бы

комплементарной. В частности, радикальная версия внешней эмиграции и Запада как такового, по мнению Берга, содержится в романе Виктора Кривулина «Шмон», действие которого (разговор в коридоре коммунальной квартиры во время обыска) балансирует между проблемами внутренней и внешней эмиграции. При этом и внутренняя эмиграция ленинградской «второй культуры», и эмиграция внешняя дистанцировались от советской культуры и апеллировали к культурным традициям, которые этой культурой репрессировались, в частности, к культурным практикам Серебряного века, поскольку именно они (наряду с некоторыми другими традициями) развивались и поддерживались культурой русской эмиграции первых двух волн.

Рассматривая субъектную структуру «мы» у Кривулина, Хайрулин видит в ней расширение «Я» по горизонтали (неофициальное сообщество в историческом процессе) и по вертикали (хоровое начало языковой традиции). С этим нельзя не согласиться. Представляется, однако, что данные наблюдения можно было бы облечь в выработанную в нарратологии терминологию и усилить обращением к анализу “we-narration” и противопоставления “the one vs. the many” в работах Моники Флудерник.

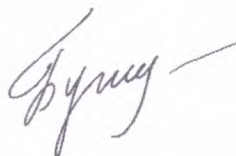
Диссертанта отличает хорошее знание критической литературы, посвященной разным аспектам творчества Кривулина. Однако из поля зрения соискателя выпала статья “The Spirit(s) of the Leningrad Underground: Viktor Krivulin’s Communion with Russian Modernism” (Clint B. Walker, 1999), в которой говорится о связях поэзии Кривулина со стихами Мандельштама, о религиозной составляющей его творчества, о поэтике памяти. Есть и мелкие неточности. Так, Кривулин не столько печатался, сколько перепечатывался в эмигрантских журналах, что было обычной практикой тамиздата. Перепечаткой материалов из актуального самиздата, в первую очередь из журналов «37» и «Часы», занимался и журнал «Эхо», издателями и редакторами которого были бывшие представители ленинградского андеграунда Владимир Марамзин и Алексей Хвостенко, и «Вестник РХД», и парижский «Континент», и израильский «22».

Высказанные соображения ни в коей мере не снижают высокой оценки диссертационного исследования Т.П. Хайрулина. Представленная к защите работа является ценным вкладом в исследование творчества В. Кривулина, в первую очередь его литературно-критического наследия, и неофициальной культуры как составной части литературного процесса 1970-х – начала 1980-х гг. Это серьезное исследование, свидетельствующее об эрудированности и научной зрелости диссертанта. Достоверность научных результатов обеспечена теоретико-методологической базой исследования, доказательным анализом вынесенных на защиту положений. Список использованной критической литературы обширен и включает около 200 наименований. Основные

положения и выводы диссертации получили отражение в публикациях автора по теме исследования.

Диссертация Хайрулина Тимура Павловича на тему: «Литературная стратегия В. Кривулина 1970-х – нач. 1980-х гг.» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Хайрулин Тимур Павлович заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации. Пункты 9 и 11 указанного Порядка диссертантом не нарушены.

Член диссертационного совета
доктор филологических наук
доцент

Бугаева Любовь Дмитриевна

29 марта 2022 года